

Национальная безопасность / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Национальная безопасность в условиях трансформации современного конституционализма: от декларативности к институционализации // Национальная безопасность / nota bene. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.3.74903 EDN: DCRISG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74903

Национальная безопасность в условиях трансформации современного конституционализма: от декларативности к институционализации

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Правовое обеспечение национальной безопасности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0668.2025.3.74903

EDN:

DCRISG

Дата направления статьи в редакцию:

19-06-2025

Аннотация: Современные трансформации глобального и внутреннего порядка обусловливают переосмысление традиционных рамок конституционного регулирования, особенно в аспекте обеспечения безопасности. В условиях перманентных угроз — от кибератак до гибридных конфликтов — национальная безопасность приобретает статус системообразующего элемента конституционного правопорядка. Предметом настоящего исследования является выявление механизмов, посредством которых принципы и институты конституционализма адаптируются к этим вызовам. Актуальность темы определяется необходимостью правового оформления долгосрочных ответов на угрозы, которые ранее рассматривались как временные. Особое внимание уделяется тому, как меняется роль государства: от сдерживающего механизма власти — к гарантии устойчивости и стабильности. Это смещение акцентов требует разработки новой теоретической и нормативной конструкции. Конституционализм должен быть способен не только ограничивать власть, но и поддерживать жизнеспособность системы в условиях

экзистенциальных рисков. В методологическом плане работа основывается на системном и сравнительно-правовом подходах, позволяющих исследовать адаптационные механизмы в разных юрисдикциях. Применяется формально-юридический и герменевтический анализ, направленный на выявление трансформации ключевых понятий в правовом поле. Научная новизна исследования заключается в концептуализации безопасности как внутренней конституционной категории, а не внешнего по отношению к правовой системе феномена. Впервые предпринимается попытка системно рассмотреть институционализацию безопасности в структуре современного конституционализма. Показано, что правовое закрепление мер безопасности должно сопровождаться созданием устойчивых институтов, а не сводиться к временным режимам чрезвычайного положения. Утверждается, что только через такую институционализацию возможен новый баланс между правами и мерами защиты. Исследование также обращает внимание на транснациональные правовые тренды, влияющие на национальные конституционные практики. Сделан вывод о необходимости гибкого, но нормативно определённого подхода к безопасности как конституционной категории. Представленные положения вносят вклад в развитие адаптивного конституционализма как ответной формы на вызовы XXI века.

Ключевые слова:

конституционализм, национальная безопасность, адаптация права, чрезвычайное положение, баланс властей, институционализация, правовое государство, трансформация, устойчивость, правовой порядок

Введение

Современный мир вступил в фазу качественно новых рисков, вызовов и угроз, которые затрагивают не только внешнеполитическую или военную сферу, но и основы внутреннего государственного устройства. Национальная безопасность перестаёт быть исключительно предметом стратегического планирования в рамках оборонной и внешней политики — она стремительно трансформируется в ключевую категорию конституционно-правового дискурса. С этой точки зрения особенно остро встаёт вопрос о том, насколько современное понимание конституционализма способно адекватно реагировать на вызовы времени, не разрушая фундаментальные начала правового государства, но при этом обеспечивая устойчивость и суверенитет государственности. Таким образом, становится актуальной необходимость переосмыслиения взаимосвязи между национальной безопасностью и конституционными институтами, а также осмыслиения глубинных изменений, которые происходят в теле современного конституционализма под влиянием внешних и внутренних трансформаций.

Обострение проблем безопасности наблюдается на фоне размывания границ между миром и войной, формированием устойчивых практик гибридных конфликтов, экспансии киберугроз, экономического давления, правовой асимметрии и технологических диспропорций [1]. Всё это подрывает традиционные подходы к пониманию национального суверенитета и требует более гибких и институционально оформленных конституционно-правовых решений. Невозможно не отметить, что в последние десятилетия даже государства с развитой правовой культурой столкнулись с необходимостью адаптации собственных правопорядков к новым условиям. Например, усиление роли исполнительной власти, экспансия режимов чрезвычайного положения, расширение полномочий силовых структур — всё это становится не только практикой, но и предметом

правового регулирования, имеющего фундаментальное значение.

В этом контексте встаёт задача по осмыслению трансформации самого конституционализма — как теоретической доктрины, так и нормативной конструкции [2]. Однако в настоящее время можно наблюдать смещение акцентов: на фоне угроз безопасности государства начинают восприниматься не только как институты, призванные ограничивать произвол, но и как субъекты, несущие бремя защиты целостности и стабильности. Это двойственное положение власти и создаёт напряжение, которое становится предметом научного анализа.

Указанные обстоятельства обуславливают высокую степень актуальности данного исследования, которое направлено на выявление тех правовых и институциональных механизмов, посредством которых конституционализм адаптируется к условиям повышенной напряженности, не утратив при этом своей нормативной сущности. В условиях, когда угроза безопасности приобретает системный характер, появляется объективная потребность в изменении не только содержания юридических норм, но и архитектуры самой конституционно-правовой системы, способной справляться с долговременными и трудно прогнозируемыми кризисами.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основе анализа современных процессов предложить обоснование конституционно-правовых изменений, связанных с институционализацией национальной безопасности. Это предполагает не просто включение соответствующих положений в тексты конституций, но и формирование таких правовых институтов, которые могли бы гарантировать устойчивость государственной власти, обеспечивать эффективное функционирование системы управления и одновременно — соблюдение основополагающих прав человека. Таким образом, речь идёт о необходимости поиска нового баланса между свободой и безопасностью, что требует глубокого междисциплинарного подхода и пересмотра устоявшихся концепций.

Объектом данного исследования выступает национальная безопасность как элемент современной конституционно-правовой системы, тогда как предметом служит процесс трансформации принципов и институтов конституционализма под влиянием актуальных вызовов безопасности. Важно подчеркнуть, что речь идёт не о временной реакции на экстраординарные события, а о долгосрочном и устойчивом изменении в логике функционирования правового государства.

Методологически исследование базируется на системном подходе, позволяющем выявить внутреннюю логику взаимодействия между нормами, институтами и механизмами безопасности; сравнительно-правовом методе, обеспечивающем возможность сопоставления различных моделей институционализации безопасности в различных странах; формально-юридическом анализе, раскрывающем специфику правового содержания; а также герменевтическом подходе, ориентированном на интерпретацию и переосмысление ключевых понятий в контексте современной правовой реальности.

Научная новизна исследования заключается в переосмыслиннии статуса безопасности как конституционной категории, выходящей за рамки декларативных формул и приобретающей признаки институциональной значимости. Иными словами, речь идёт о процессе, в рамках которого безопасность перестаёт быть внешним по отношению к конституционному регулированию понятием и становится его внутренним элементом, требующим как нормативной фиксации, так и механизмов реализации. Эта новизна проявляется в анализе перехода от символического закрепления безопасности в текстах Конституции — к формированию устойчивых правовых механизмов, способных

обеспечить не только нейтрализацию угроз, но и правовую стабильность государства в условиях неопределенности. Таким образом, представленное исследование направлено на то, чтобы внести вклад в развитие правовой теории и практики путем осмыслиния новых контуров конституционализма, в которых безопасность выступает не как исключение, а как интегральная часть правового порядка.

Трансформация конституционализма в современном обществе: причины и направления

Конституционализм как правовая и политико-философская доктрина в течение последних трёх столетий был ориентирован, прежде всего, на утверждение ограниченной власти, защиту прав и свобод личности и обеспечение баланса между ветвями власти. Его классическая либеральная модель, основанная на идеях Дж. Локка, Ш. Монтескье и Дж. Мэдисона, долгое время рассматривалась в качестве универсальной матрицы для построения правового государства. Однако в условиях XXI века эта традиционная парадигма начинает испытывать мощное давление со стороны новых политических, технологических и геополитических реалий, порождая потребность в переосмыслинии самой сущности конституционализма. Происходит смещение в сторону так называемого «безопасностного» или «институционального» конституционализма, в рамках которого на первый план выходит задача обеспечения устойчивости государства в условиях постоянных угроз и нестабильности.

Одной из важнейших причин подобной трансформации следует считать изменение самой природы рисков, с которыми сталкиваются современные государства. Тогда как ранее угроза безопасности ассоциировалась преимущественно с вооружённой агрессией или нарушением территориальной целостности, сегодня спектр угроз значительно расширился. Террористические акты транснационального характера, неконтролируемые миграционные потоки, пандемии, деструктивное воздействие информационных кампаний, кибератаки и экономические санкции — всё это порождает необходимость выработки новых моделей правового реагирования. Как отмечает D. Dyzenhaus, современный конституционализм всё чаще формируется не вокруг идеи ограничения власти, а вокруг принципа её адаптивности в условиях чрезвычайных ситуаций [\[3\]](#). Отсюда вытекает необходимость признания того факта, что безопасность становится системообразующим элементом конституционного порядка.

Данный сдвиг в приоритетах неминуемо отражается на соотношении индивидуальных прав и общественной безопасности. Если в традиционном либеральном подходе права и свободы личности выступали в качестве высшей ценности, подлежащей безусловной защите, то в новых условиях они всё чаще рассматриваются через призму их соразмерности угрозам безопасности. Это не означает отказа от либеральных основ, но предполагает их адаптацию в условиях, когда обеспечение безопасности воспринимается как условие возможности реализации других прав. В этом контексте особенно показателен анализ законодательства об экстремизме, терроризме и цифровой безопасности, где допустимые пределы вмешательства государства в сферу частной жизни становятся предметом постоянного научного и политико-правового спора [\[4\]](#). Примером может служить практика Европейского суда по правам человека, в частности решения по делам «*Klass and Others v. Germany*» и «*Roman Zakharov v. Russia*», где пытались очертировать границы допустимого контроля за гражданами при обеспечении национальной безопасности.

Одновременно трансформируется и само понимание государственного суверенитета. В условиях глобализации и межгосударственной взаимозависимости классическая

вестфальская модель абсолютного и неограниченного суверенитета утрачивает своё значение. На первый план выходит концепция ограниченного и функционального суверенитета, в рамках которой государство обязано не только защищать свои границы, но и активно участвовать в международных и наднациональных механизмах обеспечения безопасности. Это отражается, например, в участии государств в деятельности таких организаций, как ООН, ШОС или ОДКБ, а также в имплементации международных стандартов в области борьбы с терроризмом и киберугрозами. При этом следует отметить, что суверенитет есть не абсолют, а инструмент взаимодействия с международным правом, способный трансформироваться под влиянием глобальных вызовов.

Параллельно с этим усиливается роль исполнительной власти, прежде всего в тех её сегментах, которые связаны с обеспечением внутренней и внешней безопасности. Этот тренд наблюдается даже в устойчивых демократических правопорядках. Например, в Соединённых Штатах после событий 11 сентября 2001 г. был принят знаменитый «Patriot Act», наделивший федеральные органы власти беспрецедентными полномочиями в сфере слежки и контроля. Аналогичные процессы происходили в Великобритании, Франции, Германии и других государствах, где в условиях чрезвычайного положения или террористической угрозы наблюдалось временное, а в ряде случаев — постоянное перераспределение властных полномочий в пользу исполнительных структур. В этом контексте возникает вопрос: насколько оправданным является такое перераспределение и какова вероятность того, что чрезвычайные механизмы станут постоянной частью конституционного ландшафта?

Особую сложность представляет собой проблема так называемых гибридных форм правового регулирования, возникающих на стыке национального, международного и наднационального права. Она становится особенно актуальной в свете того, что многие современные угрозы, включая терроризм, кибератаки и международную организованную преступность, не признают государственных границ. Вследствие этого национальное законодательство уже не в состоянии эффективно решать проблемы безопасности в одиночку и вынуждено обращаться к инструментам международного и наднационального уровня [\[5\]](#). Однако при этом возникает противоречие между суверенитетом как принципом и необходимостью делегирования части властных полномочий в пользу международных институтов. Как справедливо замечает А. Peters, в настоящее время конституционализм приобретает транснациональное измерение, становясь платформой для согласования локальных и глобальных правовых интересов [\[6\]](#).

Таким образом, современный этап развития конституционализма характеризуется качественным изменением как его содержательных характеристик, так и институциональной структуры. Конституционализм уже не может рассматриваться исключительно как инструмент защиты от власти — он становится механизмом обеспечения жизнеспособности государства в условиях нарастающей нестабильности. В этих условиях трансформация конституционализма приобретает не декларативный, а глубоко институциональный характер, предполагающий переосмысление ключевых категорий, таких как суверенитет, права человека, разделение властей и верховенство закона, в свете императива безопасности.

Национальная безопасность как конституционно-правовая категория

Понятие национальной безопасности на протяжении последних десятилетий претерпело значительные трансформации, как на уровне государственной практики, так и в сфере правовой теории. В классическом понимании безопасность традиционно

ассоциировалась с функцией государства по защите от внешних угроз, обеспечению территориальной целостности и защите политической независимости. Однако с серединой XX века, особенно после окончания «холодной войны» и наступления глобализационного этапа, содержание этой категории стало усложняться. Сегодня под национальной безопасностью подразумевается комплексное состояние защищённости общества и государства от широкого спектра угроз — от военных до экономических, экологических, информационных и биомедицинских. Эти изменения постепенно находят отражение в конституционном дискурсе, формируя новый подход к институционализации безопасности в рамках правового государства.

Эволюция конституционно-правового осмыслиения безопасности наглядно прослеживается в текстах конституций различных государств. Так, Конституция Республики Казахстан (ст. 1) включает понятие устойчивости и территориальной целостности как неотъемлемых элементов государственной идентичности, а ст. 4 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности» (2012 г.) раскрывает безопасность как совокупность мер, направленных на защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства. В Основном законе Российской Федерации (ст. 114) безопасность упоминается в контексте полномочий Правительства РФ, а также как элемент системы национальных приоритетов в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В Конституции США, несмотря на отсутствие прямого упоминания термина «национальная безопасность», сама архитектура разделения властей и система сдержек и противовесов (*checks and balances*) исторически рассматривается как средство защиты политической стабильности, а в современных реалиях — и как механизм реагирования на внутренние и внешние вызовы. Конституция Франции 1958 года (ст. 16) предоставляет Президенту Республики чрезвычайные полномочия в условиях угрозы нации, что предполагает восприятие безопасности как конституционно закреплённого основания для отступления от нормального правового порядка.

Однако формальное присутствие термина «безопасность» в тексте конституции или иных нормативных актов вовсе не означает его реального институционального наполнения. В юридической науке активно обсуждается феномен декларативности, при котором важнейшие понятия и ценности провозглашаются в конституциях без создания механизмов их практической реализации. Национальная безопасность, при всей её значимости, нередко оказывается именно в таком положении — её упоминают, но не обеспечивают в полном объёме с помощью чётких правовых конструкций, компетенций органов государственной власти и процедур правоприменения. Согласно позиции Н. И. Матузова, конституционные декларации нуждаются в институциональном оформлении, иначе они рисуют остаться лишь абстрактными формулами, неспособными служить критерием правомерности поведения государства [7]. Отсюда вытекает проблема создания функциональной правовой архитектуры, где безопасность будет не просто конституционным постулатом, а активно действующим институтом с конкретными мерами, органами и гарантиями.

В современных условиях всё более очевидной становится необходимость включения безопасности в перечень основополагающих конституционных ценностей — наряду с правами и свободами человека, народным суверенитетом и законностью. Безопасность не должна противопоставляться этим ценностям, но должна восприниматься как их условие [8]. Такая постановка вопроса предполагает иное видение баланса между свободой и контролем, между автономией личности и обязанностью государства защищать коллективные интересы. Конституционная теория должна быть способна не

только защищать права от власти, но и обеспечивать стабильность самой системы, в рамках которой эти права реализуются. По мнению M. Tushnet, конституционализм XXI века — это не только о правах, но и о способности государства противостоять разрушительным вызовам, не утратив легитимности и правового характера. Он отмечает, что судебные органы могут эффективно защищать социальные права, даже если они обладают ограниченными полномочиями. Он утверждает, что даже в условиях слабых судов возможно обеспечение прав и свобод граждан, если суды действуют в рамках своей компетенции и при поддержке других институтов [\[9\]](#).

Одним из наиболее сложных и дискуссионных аспектов конституционного регулирования национальной безопасности остаётся проблема соотношения между безопасностью и правами человека. В условиях глобальной нестабильности многие государства прибегают к оправданию ограничений прав необходимостью защиты нации, что порождает опасность подмены ценностей и легитимации авторитарных тенденций [\[10\]](#). Вопрос о допустимости ограничения прав в интересах безопасности рассматривается как в юридическом, так и в философско-правовом ключе. С одной стороны, международные документы, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 4), допускают временные отступления от обязательств в случае угрозы нации, при условии соблюдения принципов необходимости, соразмерности и временности. С другой стороны, существует опасность устойчивой институционализации ограничений, превращающих временное в постоянное. В этом контексте уместна критика, озвученная J. Habermas, который предостерегает от эрозии демократии под прикрытием заботы о безопасности. Он подчеркивает, что в условиях глобальных угроз существует опасность чрезмерного усиления исполнительной власти и ограничения демократических свобод под предлогом обеспечения безопасности [\[11\]](#).

Национальное законодательство и судебная практика также демонстрируют разную степень чувствительности к этой проблеме. Так, Конституционный Совет Франции в решении № 2005-532 от 19 января 2006 г. признал допустимым временное ограничение прав в интересах антитеррористической деятельности, при условии соблюдения контроля со стороны парламента и судебной власти. Аналогично Конституционный Суд России неоднократно подчёркивал, что «права и свободы не являются абсолютными и могут быть ограничены законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства» (Постановление № 13-П от 27 марта 2012 г.).

Таким образом, конституционно-правовая категория национальной безопасности представляет собой не статичную и не однозначную конструкцию, а динамичную, контекстуально обусловленную и политико-правово нагруженную форму выражения интересов государства, общества и личности. Её развитие требует от юридической науки постоянного напряжения: как не допустить превращения безопасности в инструмент подавления свободы, но и как не абсолютизировать права в ущерб устойчивости правопорядка. Именно в нахождении баланса между этими началами и заключается задача современного конституционализма, вступившего в фазу институциональной переоценки своих базовых постулатов в условиях новых угроз.

От декларативности к институционализации: новые контуры конституционной архитектуры

В последние десятилетия происходит очевидный сдвиг в конституционном мышлении от

абстрактных провозглашений безопасности как высшей государственной цели к её институциональному закреплению и практической реализации. Этот процесс отражает стремление современного государства к формированию устойчивых правовых механизмов, способных не только обеспечивать защиту национальных интересов, но и сохранять правовую легитимность в условиях глубинных вызовов — от гибридных угроз и терроризма до киберугроз и пандемий. Конституционное право, будучи системообразующей отраслью публичного права, начинает адаптироваться к новым условиям, выстраивая архитектуру безопасности, опирающуюся на специализированные органы, правовые режимы и комплексные процедуры [12]. Переход от декларативности к институционализации безопасности — это, по сути, переход от обещаний к действию, от политической риторики к устойчивому нормативному порядку.

Одним из ключевых проявлений институционализации безопасности стало формирование в конституционно-правовых системах специализированных органов, компетентных в вопросах национальной и общественной безопасности. Совет безопасности, действующий в различных формах в таких странах, как Казахстан, Россия, Турция, Китай и США (в виде Совета национальной безопасности), стал не просто совещательным органом, но фактически центром координации межведомственной политики в сфере угроз. Например, в Республике Казахстан с 2021 года после принятия соответствующих поправок в Конституцию Совет безопасности получил статус конституционного органа, председателем которого является Президент, что усилило его роль в системе «гибкой вертикали» власти и повысило значимость безопасности как системного принципа управления. В условиях чрезвычайных ситуаций (пандемия COVID-19, массовые беспорядки, иностранное вмешательство) активизируются особые правовые режимы, включая режим чрезвычайного положения и военного положения, каждый из которых требует наличия детализированных конституционно-правовых рамок. Эти режимы отражены в Основных законах как механизм временного ограничения прав, но с одновременной обязанностью государства по сохранению основ конституционного строя.

Опыт пандемии COVID-19 выявил острые дефициты устойчивости институтов власти в ряде государств и стал катализатором для правового переосмысливания механизмов кризисного реагирования. Многие государства, включая Францию, Германию, Италию и Россию, прибегли к нормативному творчеству в рамках существующих или специально созданных чрезвычайных механизмов. Конституционный Суд ФРГ в своём решении от 19 ноября 2020 г. подтвердил допустимость ограничений в условиях эпидемии при условии соблюдения пропорциональности. В России был активизирован режим повышенной готовности на региональном уровне на основании закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Однако в условиях нестабильности возникает угроза не только эрозии прав, но и перераспределения властных полномочий в пользу исполнительной власти. Эта тенденция усиливается под воздействием гибридных конфликтов, санкционного давления и неопределенности глобальной экономики, требующих мгновенной реакции, часто выходящей за рамки обычных процедур.

Современный конституционализм начинает выходить за пределы привычного институционального репертуара, формируя иные формы правового реагирования в ключевых сферах: обороны, разведки, информационной и кибербезопасности. Например, в США после событий 11 сентября 2001 года был принят Патриотический акт, предоставляющий расширенные полномочия разведывательным органам. Этот акт вызвал серьёзную дискуссию в научных кругах, поскольку поставил под сомнение традиционный баланс между свободой и безопасностью. В России концепция

информационной безопасности институционализирована в форме «доктрины» и указов Президента, что фактически наделяет эти акты нормативной функцией. В странах Европейского союза происходит постепенное формирование наднациональных структур реагирования — таких как Европейское агентство по кибербезопасности (ENISA), что свидетельствует о расширении горизонтов правовой координации в сфере безопасности.

На этом фоне формируется новая конституционная концепция — «устойчивый конституционализм» (*resilient constitutionalism*), получившая развитие в трудах A. Jakab [13] и M. Scheppelle [14]. Эта доктрина рассматривает конституционный строй не как набор статичных норм, а как адаптивную систему, способную к институциональному выживанию в условиях экстремальных изменений. Идея устойчивости связана с правовым обеспечением способности конституционного режима сохраняться при нарастающем давлении вызовов, не утрачивая при этом демократической и правовой сущности. Устойчивость, в этом смысле, предполагает наличие гибких, но не произвольных механизмов кризисного реагирования, институционального самовосстановления и контроля над исключительными полномочиями. В качестве примера можно привести работу Конституционного совета Франции в условиях антитеррористической кампании, когда введение режима чрезвычайного положения сопровождалось постоянным контролем со стороны парламента и судебной власти, предотвращающим узурпацию полномочий.

Однако ключевым вызовом остаётся вопрос о допустимости и обратимости чрезвычайных полномочий. Какова граница между временным отступлением от правового порядка и его подменой в долгосрочной перспективе? Где заканчивается легитимная защита и начинается эрозия правовых стандартов? Эта проблема особенно остро всталла после событий в США, связанных с протестами в 2020 году, когда был задействован Закон о восстании (*Insurrection Act*), позволивший федеральным силам вмешиваться в дела штатов. В научной дискуссии подчеркивается опасность создания «экстраординарной нормы», которая, будучи однажды активированной, рискует стать частью обычной правовой системы. Это явление связано с концепцией «нормы исключения» (*state of exception*), когда временные меры, введенные в условиях чрезвычайной ситуации, становятся постоянными, что может привести к подрыву демократических принципов и правового государства [15]. Конституционные тексты, в которых заложена возможность введения чрезвычайных режимов, нуждаются в чётких юридических якорях: процедуре и сроках введения, парламентском контроле, возможности судебного пересмотра и фиксации невозможности отмены фундаментальных прав даже в условиях кризиса.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности закрепления принципа безопасности как основополагающего начала в тексте самих конституций — в преамбулах, главах об основах конституционного строя или в специальных доктринальных актах. Такой подход может усилить символическую и правовую значимость категории безопасности, приравняв её по значению к правам человека, народному суверенитету и принципу правового государства. Например, в Конституции Исламской Республики Иран безопасность нации прямо включена в преамбулу как высшая цель правопорядка. В российской научной традиции В.Е. Чиркин подчёркивал важность доктринального обоснования места безопасности в структуре конституционного строя как элемента не только оборонного, но и социального правопорядка [16]. В то же время существует мнение, что чрезмерное конституционное закрепление безопасности может стать основанием для ограничений в пользу власти. Поэтому концептуальное включение безопасности в конституционный текст требует тонкого юридико-политического баланса.

Таким образом, движение от декларативности к институционализации в вопросах национальной безопасности приводит к изменению самой конституционной парадигмы. Конституция уже не может быть только документом об идеалах — она становится операционным инструментом обеспечения устойчивости государства и общества. Этот процесс требует от правовой науки пересмотра ряда фундаментальных постулатов и перехода к более реалистичной, прагматичной и институционально насыщенной модели конституционного устройства.

Международный контекст: безопасность как транснациональная норма

Современный правовой дискурс о безопасности выходит далеко за рамки исключительно внутренней компетенции государства, приобретая все более выраженный транснациональный и нормативно-глобализированный характер. В условиях взаимосвязанности угроз, утраты традиционных пространственно-юрисдикционных границ и роста числа нестандартных форм дестабилизации, таких как киберугрозы, международный терроризм, миграционные волны, эпидемиологические катастрофы, безопасность перестаёт быть исключительно внутренним делом государства. При этом правовые категории, ранее находившиеся в исключительном ведении национального законодательства, в XXI веке начинают включать в себя транснациональные императивы, которые оказывают непосредственное воздействие на конституционные конструкции государств. В этой связи особо актуализируется вопрос: может ли современный суверенитет реализовываться в отрыве от международных норм безопасности, или же он должен переосмысливаться как элемент глобального правопорядка?

Организация Объединённых Наций, несмотря на все критические замечания в её адрес, остаётся основным универсальным источником формирования международных стандартов в сфере безопасности. Устав ООН, в частности, в ст. 1 закрепляет право ООН принимать меры коллективной безопасности, направленные на предотвращение угроз миру, что создаёт юридическую платформу для вмешательства в национальные юрисдикции в случае, если ситуация угрожает международному миру и безопасности. В дополнение к этому, резолюции Совета Безопасности ООН, обладающие обязательной юридической силой в соответствии со ст. 25 Устава, закрепляют нормы, которые часто воспринимаются национальными правовыми системами как основание для пересмотра внутренних положений. Например, Резолюция №1373 (2001) стала поворотной в контексте анти-террористического законодательства многих государств, включая Россию, Казахстан, Германию и США. Эта резолюция не только призвала к ужесточению мер по борьбе с терроризмом, но и по сути легитимировала усиление роли специальных служб, ограничение трансграничных переводов и контроль за информационными потоками — всё это отразилось в соответствующих нормативных актах на национальном уровне.

Региональные международные организации также играют всё более активную роль в формировании правовых рамок безопасности, нередко вмешиваясь в конституционное пространство государств — как мягкой, так и жёсткой силой. Европейский союз демонстрирует наибольшую степень интеграции в этом отношении: статьи 4(2) и 222 Договора о функционировании ЕС предусматривают как обязанность солидарности в вопросах безопасности, так и необходимость обеспечения внутренней стабильности как общеевропейской задачи. Государства — члены ЕС обязаны адаптировать своё законодательство в соответствии с нормами, разрабатываемыми институтами ЕС, включая положения об обмене разведанными, стандартах цифровой защиты и реагировании на кибератаки. В свою очередь, в постсоветском пространстве механизмы обеспечения коллективной безопасности оформлены в рамках таких организаций, как СНГ и ОДКБ

[\[17\]](#). Однако в отличие от ЕС, эти структуры не обладают достаточным уровнем нормативной конкретизации и часто действуют на основании рамочных соглашений без полноценной юридической интеграции. Полагаем, что при всей символической значимости таких организаций, их реальная правовая эффективность остаётся ограниченной в силу отсутствия чёткой и эффективной нормативной и институциональной базы.

Противоречие между глобальной нормативностью и внутренним суверенитетом проявляется наиболее остро в контексте регулирования прав человека. Международное право, в первую очередь в лице системы ООН и Совета Европы, требует от государств обеспечения соблюдения прав и свобод даже в условиях чрезвычайного положения. Однако в действительности государства нередко ограничивают основные права, ссылаясь на угрозу безопасности, что вызывает острые правовые и философские конфликты. Например, Европейский суд по правам человека (дело «A. and Others v. United Kingdom» (№ 3455/05)», 2009 г.) признал, что меры, принятые Великобританией в отношении лиц, подозреваемых в терроризме, нарушили статьи 5 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека. Суд указал, что даже в условиях угрозы терроризма ограничения должны оставаться пропорциональными и обоснованными. На этом фоне наблюдается всё более явная коллизия между «ценностной юстицией» международных институтов и государственным прагматизмом в обеспечении безопасности. В правовом поле этот конфликт обостряется при попытке интегрировать международные стандарты в национальные правовые системы, особенно в странах, где традиционно высока роль исполнительной власти и где конституционные нормы часто носят декларативный характер.

Нарастающая институционализация международно-правового правопорядка в сфере безопасности оказывает комплексное влияние на национальный конституционализм. Не будучи изолированными, национальные конституции всё чаще вынуждены учитывать внешние обязательства, возникающие в рамках международных договоров, меморандумов и соглашений. Особенно ярко это проявляется в регулировании трансграничных угроз, где необходима скоординированная правовая реакция: терроризм, киберпреступность, биологические риски и энергетическая безопасность — все эти сферы давно вышли за пределы исключительно национальной юрисдикции. В конституционно-правовом аспекте это означает необходимость пересмотра роли международного права, традиционно воспринимавшегося как внешний источник. В государствах, где международное право обладает приоритетом над национальным (например, Германия, Нидерланды, Южно-Африканская Республика), конституционный дискурс уже давно ведётся в парадигме «встроенности» в международный правопорядок. В государствах, где действует дуалистический подход (например, в России или Казахстане), подобная трансформация происходит медленнее, но неизбежно.

В этом контексте становится важным осмысление концепции «глобального конституционализма» (global constitutionalism), развиваемой такими исследователями, как A. Peters [\[18\]](#), J. Klabbers [\[19\]](#) и M. Kumm [\[20\]](#). Эта теория утверждает, что принципы правового государства, прав человека и демократического управления постепенно формируют наднациональную нормативную структуру, которая влияет на внутреннее законодательство и конституционные порядки. Однако возникает вопрос: может ли такой универсализм быть применим во всех правовых культурах, или он представляет собой новую форму правовой гегемонии? Полагаем, что приоритет должен быть отдан важности сохранения национально-правовых традиций как фактора снижения угрозы утраты суверенной нормативной идентичности под воздействием внешних моделей.

Таким образом, безопасность как транснациональная норма выступает не только объектом правового регулирования, но и инструментом трансформации конституционного мышления. Национальные системы, оставаясь формально суворенными, на деле всё чаще интегрируют международные стандарты, что приводит к переосмыслению базовых принципов конституционного права — от соотношения власти и свободы до определения правовой природы самого государства. Возникает новая архитектура правопорядка, в которой безопасность является неотъемлемой частью как внутреннего, так и внешнего легитимного суворенитета.

Заключение

Современное конституционное развитие всё настойчивее подводит к необходимости осмыслиния национальной безопасности не как второстепенной декларации в тексте основного закона, а как структурообразующего принципа, способного формировать устойчивые правовые рамки функционирования государства в условиях повышенной турбулентности международной и внутренней среды. Переход от декларативного провозглашения безопасности как цели государственного устройства к её полноценному институциональному воплощению представляется не случайным и не искусственно навязанным процессом, а глубоко закономерным отражением изменений в соотношении между вызовами современности и конституционными средствами их преодоления. В условиях, когда традиционные механизмы правовой и политической устойчивости демонстрируют признаки износа или недостаточной адаптивности, именно институционализация категории безопасности становится одним из ключевых направлений трансформации конституционализма. Такая институционализация предполагает не только юридическое оформление функций и полномочий, но и их интеграцию в систему разделения властей, а также развитие устойчивых процедур парламентского и судебного контроля.

Эта эволюция приобретает особое значение в контексте системного обновления конституционно-правовых подходов, ставшего неизбежным в силу новых характеристик угроз: их гибридной природы, трансграничности, непредсказуемости и стремительной динамики. Примеры последних десятилетий — от глобального терроризма и пандемий до экономических и киберконфликтов — продемонстрировали, что прежние модели конституционного реагирования, преимущественно ориентированные на стабильность мирного времени, утрачивают свою эффективность в новых условиях. Поэтому реформирование правовых основ национальной безопасности становится не временной реакцией, а долгосрочным направлением конституционного развития. Это, в свою очередь, предполагает отказ от нормативной риторики, не подкреплённой институциональной инфраструктурой, и требует включения безопасности в качестве полноценной ценности в блок основ конституционного строя. При этом данное включение должно основываться на системном подходе, исключающем дисбаланс в пользу исполнительной власти или ограничения прав под предлогом общественного блага.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что институционализация безопасности сопряжена с целым рядом правовых и этических рисков, способных подорвать фундаментальные основы правового государства. Наиболее уязвимой в этом контексте оказывается сфера прав и свобод личности, поскольку именно она становится объектом приоритетных ограничений в периоды чрезвычайных ситуаций и кризисов. При отсутствии эффективных гарантий, таких как независимый судебный контроль, механизм сдержек и противовесов, а также открытость процедур принятия решений, безопасность легко может трансформироваться в риторику оправдания правового произвола. Ряд исследователей

(например, В. Ackerman [\[21\]](#), М. Tushnet [\[22\]](#)) предупреждают о феномене «перманентной чрезвычайности» — ситуации, при которой временные меры закрепляются в конституционной практике как постоянные и деформируют баланс властей. Подобные сценарии становятся особенно вероятными в условиях дефицита парламентского контроля или размытости границ между правом и политикой в рамках правоприменительной деятельности.

В этой связи принципиально важным становится развитие новой модели конституционализма — интегративного, устойчивого, способного одновременно учитывать требования безопасности и сохранять основополагающие свободы. Этот подход предполагает не бинарное противопоставление свободы и порядка, а их концептуальное сопряжение через систему институциональных гарантий. Не случайно в научной литературе всё чаще появляется термин «resilient constitutionalism» (устойчивый конституционализм), обозначающий такую форму государственного устройства, при которой конституционные институты обладают способностью адаптироваться к кризисам без утраты нормативной идентичности. В этом контексте безопасность трактуется не как угроза правам, а как условие их реального осуществления в условиях нестабильности. При этом развитие гибких правовых механизмов, способных оперативно реагировать на вызовы, не должно подменяться разрушением базовых правовых принципов, таких как презумпция невиновности, приоритет суда и запрет на дискrimинацию.

Таким образом, в условиях трансформации конституционализма государство вновь оказывается в центре конституционного баланса — не в качестве автономного властного субъекта, а как гарант рационального и справедливого сочетания прав человека, общественного порядка и национальной безопасности. Именно государство несёт ответственность за создание правовых механизмов, которые обеспечивают не только защиту от угроз, но и предотвращают эрозию правовых ценностей. Это означает, что новая парадигма конституционализма требует от государства не произвольного усиления функций в ответ на внешние вызовы, а совершенствования институтов, способных обеспечивать долговременную легитимность власти. Такой подход требует осознанного конституционного проектирования, в рамках которого категория безопасности получает своё полноценное место — не в ущерб свободе, а в её защиту.

Библиография

1. Бахтизин А.Р., Ву Ц., Хабриев Б.Р., Сидоренко М.Ю., Ву З. Гибридные войны современности и национальная безопасность России // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 12. С. 1100-1114. DOI: 10.31857/S0869587324120043. EDN: RIMXJE.
2. Поярков С.Ю. Трансформация конституционализма в современном обществе: концептуальные основания // Право и политика. 2025. № 4. С. 105-122. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.4.74044 EDN: GSTYMP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74044
3. Dyzenhaus D. The Constitution of Law: Legality in a Time of Emergency. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 268 р.
4. Зелёнкина А.М. Предотвращение экстремизма и терроризма в цифровом пространстве // Молодой ученый. 2025. № 4 (555). С. 386-389. EDN: ZCUHBZ.
5. Чвиро В.В. Теоретические аспекты взаимодействия общепризнанных принципов международного права и норм внутригосударственного права // Безопасность Евразии. 2003. № 4 (14). С. 499-502. EDN: RAFSIV.
6. Peters A. Global Constitutionalism // Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives / ed. by T. Suami, A. Peters, D. Vanoverbeke, M. Kumm. Cambridge:

- Cambridge University Press, 2018. P. 277-350.
7. Теория государства и права. Курс лекций. Под ред. Матузова Н. И., Малько А. В. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 776 с.
8. Федотова Ю.Г., Рогов А.С. О категориях "конституционная безопасность" и "национальная безопасность": терминологический анализ // Государственная служба. 2014. № 3 (89). С. 6-9. EDN: SJTPFX.
9. Tushnet M. Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law. Princeton: Princeton University Press, 2008. 312 p.
10. Корабельникова Ю.Л. О конституционно-правовой природе и содержании права на безопасность // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 59-66. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-359-59-66. EDN: JSCTMY.
11. Habermas J. The Postnational Constellation: Political Essays. Cambridge: MIT Press, 2001. 216 p.
12. Станкин А.Н. Конституционно-правовая безопасность: понятие, признаки и соотношение с национальной безопасностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 51-56. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-3-51-56. EDN: XECWPV.
13. Jakab A. Constitutional resilience // Grote R., Lachenmann F., Wolfrum R. (eds) Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law. Oxford: Oxford University Press, 2021.
14. Scheppelle K. L. Autocratic legalism. University of Chicago Law Review. 2018. Vol. 85, No. 2. P. 545-583.
15. Losoncz A., Losoncz M. The state of exception at the legal boundaries: Re-evaluation of a critical concept. Glasnik Advokatske komore Vojvodine. 2020. Vol. 92. P. 538-571. DOI: 10.5937/gakv92-29229. EDN: ZFFFWJ.
16. Чиркин В. Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. 174 с. EDN: QWDTOZ.
17. Алешин Ю.Н. Взаимозависимость национальной и коллективной безопасности государств СНГ: нормативно-правовые основы // Власть. 2010. № 12. С. 60-63. EDN: NBRAZD.
18. Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2009. Vol. 16, Iss. 2. P. 397-411.
19. Peters A., Klabbers J., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford: Oxford University Press, 2009. 404 p.
20. Kumm M. The legitimacy of international law: a constitutionalist framework of analysis. European Journal of International Law. 2004. Vol. 15, No. 5. P. 907-931. EDN: INWHGD.
21. Ackerman B. The Emergency Constitution. The Yale Law Journal. 2004. Vol. 113. P. 1029-1091.
22. Tushnet M. The political constitution of emergency powers: parliamentary and separation-of-powers regulation. International Journal of Law in Context. 2007. Vol. 3, No. 4. P. 275-288.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступают конституционно-правовые изменения, связанные с институционализацией национальной безопасности в условиях новых рисков, вызовов и угроз, которые затрагивают не только внешнеполитическую или военную сферу, но и основы внутреннего государственного устройства.

Методология исследования базируется на системном подходе, сравнительно-правовом методе, формально-юридическом анализе, а также герменевтическом подходе, ориентированном на интерпретацию и переосмысление ключевых понятий в контексте современной правовой реальности.

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью переосмысливания взаимосвязи между национальной безопасностью и конституционными институтами, а также осмысливания происходящих глубинных изменений в современном конституционализме под влиянием внешних и внутренних трансформаций.

Научная новизна исследования заключается в переосмысливании статуса безопасности как конституционной категории, выходящей за рамки декларативных формул и приобретающей признаки институциональной значимости в условиях, когда безопасность выступает не как исключение, а как интегральная часть правового порядка.

В статье выделены следующие разделы: Введение, Трансформация конституционализма в современном обществе: причины и направления, Национальная безопасность как конституционно-правовая категория, От декларативности к институционализации: новые контуры конституционной архитектуры, Международный контекст: безопасность как транснациональная норма, Заключение и Библиография.

В публикации рассмотрено развитие конституционализма как правовой и политико-философской доктрины за последние три столетия; отмечено изменение природы рисков, с которыми сталкивались государства ранее и теперь; отмечено, что такие изменения отразились на соотношении индивидуальных прав и общественной безопасности – конституционализм становится механизмом обеспечения жизнеспособности государства в условиях нарастающей нестабильности. Далее авторами показана трансформация понятия национальной безопасности, под которой в настоящее время подразумевается комплексное состояние защищённости общества и государства от широкого спектра угроз – от военных до экономических, экологических, информационных и биомедицинских, что находит отражение в текстах конституций различных государств: Казахстана, США, Франции, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В публикации освещено стремление современного государства к формированию устойчивых правовых механизмов, способных не только обеспечивать защиту национальных интересов, но и сохранять правовую легитимность в условиях гибридных угроз, терроризма, киберугроз и пандемий. В результате исследований авторы приходят к выводам о том, что в условиях трансформации конституционализма государство вновь оказывается в центре конституционного баланса – как гарант рационального и справедливого сочетания прав человека, общественного порядка и национальной безопасности.

Библиографический список включает 10 источников – научные публикации отечественных и зарубежных авторов по рассматриваемой теме на русском и иностранном языках в российских и иностранных научных журналах. В тексте публикации имеются адресные ссылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

В качестве замечания следует отметить, что авторами не соблюдены принятые редакцией Правила оформления списка литературы по количеству источников и времени их опубликования: «Рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: ... не менее половины работ, изданных в последние 3 года».

Тема статьи актуальна, представленный на рецензирование материал отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует тематике журнала «Национальная безопасность / nota bene», может вызвать интерес у читателей, но

нуждается в доработке в соответствии с высказанным замечанием, требуется имплементировать в дискуссию работы по изучаемой теме, которые опубликованы после 2022 г. представляется, что это нужно сделать ещё и потому, что для нашей страны рассматриваемая в статье проблема приобрела особую актуальность именно в этот период.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. С учётом сформированного заголовка представляется возможным заключить о том, что статья должна быть посвящена национальной безопасности в условиях трансформации современного конституционализма с акцентом на пояснениях движения от декларативности к институционализации.

Методология исследования базируется на повествовании. При проведении доработки статьи рекомендуется наполнить статью графическими объектами: и рисунками, и таблицами (их отсутствие снижает впечатление от статьи). Очень важно подкрепить свои суждения конкретными числовыми пояснениями и аргументами.

Актуальность исследования вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности государства, не вызывает сомнения, так как от этого зависит социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Научная новизна в представленном на рецензирование материале частично присутствует, но требует обоснования. Автор, например, утверждает, что «Современное конституционное развитие всё настойчивее подводит к необходимости осмыслиения национальной безопасности не как второстепенной декларации в тексте основного закона, а как структурообразующего принципа»: а почему он пришёл к такому выводу? Также автор утверждает, что «В условиях, когда традиционные механизмы правовой и политической устойчивости демонстрируют признаки износа или недостаточной адаптивности». А почему автор делает такой вывод? Как это обосновывается? Или ещё один пример – «В последние десятилетия происходит очевидный сдвиг в конституционном мышлении от абстрактных провозглашений безопасности как высшей государственной цели к её институциональному закреплению и практической реализации». На основании каких фактов и результатов проведённого автором анализа представляется возможным сделать такой вывод?

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения является научным. Структура статьи автором сформирована, позволяет раскрыть выбранную тему. При этом ознакомление с содержанием показало, что автор не подкрепляет свои суждения конкретными аргументами. Например, один из разделов статьи называется «Трансформация конституционализма в современном обществе». А в чём заключается такая трансформация? Рекомендуется наглядно показать содержание изменений. Также для потенциальной читательской аудитории будет интересным узнать конкретные и обоснованные (в т.ч. числовыми данными) проблемы по предмету исследования, а также аргументированные пути их решения. Крайне важно устраниТЬ этот недостающий блок при доработке статьи.

Библиография. Сформированный автором библиографический список включает 22 наименования. Ценно, что в нём содержатся и отечественные, и зарубежные научные публикации. Рекомендуется дополнить 5-7 научными публикациями, вышедшими в 2024-2025 гг. Это позволит точнее учесть тенденции современной научной мысли по рассматриваемому вопросу.

Апелляция к оппонентам. По тексту статьи автор делает ссылки к научным публикациям других авторов, что положительно характеризует научную статью. Также при наполнении статьи конкретными авторскими обоснованными суждениями рекомендуется также описать прирост научного знания. Это серьёзно повысит уровень востребованности научной статьи.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом вышеизложенного заключаем о том, что статья подготовлена на актуальную тему, однако требует доработки. После её осуществления в случае успешного прохождения повторного рецензирования она может быть опубликована.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает процесс трансформации принципов и институтов конституционализма, вызванный необходимостью обеспечения национальной безопасности в современных условиях. Как справедливо отмечает автор, научная актуальность и практическая значимость исследования связана с усложнением характера современных угроз безопасности, что потребовало пересмотра традиционных подходов к конституционному регулированию безопасности без ущерба для основ правового государства. Методология исследования основана на комплексном подходе, сочетающем системный анализ взаимосвязей между правовыми институтами, сравнение различных национальных моделей, формальный анализ правовых норм и герменевтическую интерпретацию ключевых понятий для выявления закономерностей трансформации конституционализма в условиях нарастающих угроз безопасности. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идёт о концептуальном переосмыслении места безопасности в конституционной системе. Впервые безопасность рассматривается как системообразующий элемент конституционного порядка, а не как внешняя по отношению к нему функция государства, и обосновывается необходимость включения национальной безопасности в число основополагающих конституционных ценностей наравне с правами человека и разделением властей. Научный интерес представляет также теоретическое обоснование модели «устойчивого конституционализма» как адаптивной модели, способной интегрировать механизмы реагирования на угрозы без разрушения правового строя. По мысли автора, при создании конституционных механизмов следует ориентироваться на их способность адаптироваться к кризисным ситуациям без утраты демократической и правовой сущности государства. Кроме того, в процессе исследования выявлены и классифицированы формы институционализации безопасности в конституционных системах различных государств с учётом транснациональных нормативных воздействий. Наконец, небезынтересен авторский анализ трансформации конституционализма от

либеральной к интегративной модели как перехода от традиционного понимания конституции в качестве ограничителя власти к её роли как инструмента обеспечения государственной устойчивости в условиях глобальных вызовов. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность проблемы трансформации конституционализма под влиянием новых угроз безопасности, формулируются цель, объект, предмет и методология исследования; - «Трансформация конституционализма в современном обществе: причины и направления», где анализируются причины отхода от классической либеральной модели конституционализма и формирования «безопасностного» конституционализма в условиях новых типов угроз; - «Национальная безопасность как конституционно-правовая категория», где исследуется эволюция понятия национальной безопасности в конституционном праве различных государств и проблема перехода от декларативного закрепления к институциональному наполнению; - «От декларативности к институционализации: новые контуры конституционной архитектуры», где рассматривается процесс создания специализированных органов и правовых механизмов безопасности, формирование концепции «устойчивого конституционализма»; - «Международный контекст: безопасность как транснациональная норма», где анализируется влияние международных стандартов безопасности на национальные конституционные системы и формирование глобального правопорядка; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования и формулируются выводы о необходимости интегративной модели конституционализма, способной сочетать требования безопасности с сохранением фундаментальных правовых принципов. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических и грамматических погрешностей (например, стилистическая перегруженность некоторых предложений (избыточное употребление сложных конструкций, излишне длинные предложения); или риторическая избыточность (в некоторых местах встречаются дублирующие по смыслу формулировки); или семантическое рассогласование в предложении «...Как теоретической доктрины, так и нормативной конструкции»; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 22 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводном разделе при проработке теоретико-методологической базы исследования. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести высокую актуальность и своевременность темы исследования: оно одну из ключевых проблем современного конституционного права в условиях новых глобальных вызовов и угроз. Нельзя не отметить также достаточно серьёзную теоретическую базу: автор демонстрирует знакомство с широким кругом отечественных и зарубежных источников, включая работы ведущих специалистов в области конституционного права. Кроме того, рецензируемая работа имеет четкую композицию с последовательным переходом от общетеоретических вопросов к конкретным проблемам институционализации безопасности, а полученные в процессе исследования результаты могут быть использованы при совершенствовании конституционного законодательства и правоприменительной практики в сфере национальной безопасности.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, юристов, специалистов в области конституционного права,

государственного управления и национальной безопасности, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Национальная безопасность / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.